

Парадокс об Арбузове

Обыденщина, ты была
Врагом моим. От самого
Я верю в простодушие.
Орудие особенного рода...
Евгений ВИНУКОВ.

Один из его главных героев — уходящее время. Дымка бегущего времени всегда присутствует в его пьесах. Я открываю недавно изданные два его тома, двадцать пьес, первая — «Шестеро любимых» написана в 1934-м, без года полвека... А драматург публикует новую. И во всех его пьесах, блестящих, просто хороших и неудачных, он показывает, как настоящее становится прошедшим на наших глазах. И один из самых мятущихся и сложных его героев Шура Ведерников из пьесы «Годы странствий» задает все тот же вопрос: куда уходят дни?

Пытаюсь разгадать загадку Арбузова. Пятьдесят лет он пишет пьесы, пятьдесят лет их ставят театры. А сколько драматургов за это время кануло в Лету! Сколько пьес, имевших шумный, заслуженный и незаслуженный успех и у зрителей, и у критики, ушло, — мы не помним даже их названий. Они поблекли, как блекнут театральные полотна при обычном освещении.

Мы оглядываем поле театральных сражений. Да, театр — сегодняшнее, порой сиюминутное искусство. Да, зрители приходят сюда развлекаться, но уходят — необходимо, чтоб уходили! — с раздумьем. Это говорил Станиславский. Но уходят ли так? И как часто? Оглядываясь драматургии в зеркале ежедневных афиш и, хочешь того или не хочешь, задаешь один и тот же вопрос — почему так мало пьес остается? Так ничтожно мало?

«Таню» Арбузова играют сорок пять лет. И в каждой новой постановке мы удивляемся прежде всего нашему зрительскому волнению, нашей способности наполнять новым содержанием то, что происходит на сцене.

Парадокс в том, что арбузовская пьеса с годами представляется нам все более наивной, но наше волнение все более серьезным. «Мой бедный Марат» играют уже двадцать лет, «Старомодную комедию», кажется, можно играть всегда. И «Годы странствий», захватывающую пьесу моей молодости, думается, тоже.

В кругах интеллигентных театралов слышу в адрес очередной арбузовской пьесы, например «Воспоминания»: «Ну, знаете, это так наивно, чтоб не сказать — примитивно».

Нет, тут что-то не так! Может быть, мы слишком близко стоим, чтобы рассмотреть? А вот голос издалика. Французская газета, не слишком к нам благосклонная: «Вот прелестная, чарующая комедия, как нельзя более славянская, которая вызовет немало вздохов. Эдвиг Фейер и Нильс Ареструп, чувствительный и нежный дуэт, совершает почти чудо, сообщая этим печальным играм неверную и хрупкую грацию...» Другой голос — на этот раз из журнала: «Вам, как и мне, несомненно, нравилась «Старомодная комедия» Алексея Арбузова... Вам, как и мне, понравится и «Воспоминания»... Это романтическая история, комедия разрыва, зрелище страданий, тяжкого сердцебиения... Здесь все совершается в особой атмосфере, в особом «климате», как выразился бы дорогой Андре Моруа, в «чеховском» климате; чеховском нашего времени».

Мне все видится рассерженное лицо критика, раздраженно восклицющего: «Не так! Примитивно! Не отражает жизни! Уходит от конфликтов!»

Разберемся все-таки. Непредогадая магия лучших его пьес, его театра нас к этому обязывает.

Если принять во внимание, что театр, а следовательно, и драматургия своеобразный способ моделирования поведения человека, то арбузовские пьесы как бы типовые варианты людских взаимоотношений. Причем отношений не «вообще», а в условиях нашей советской действительности. На них лежит отблеск времени, но они не привязаны к нему столь жестко, как это бывает с пьесами, трактующими сугубо сегодняшние проблемы. Эти пьесы, разумеется, нужны, но у них, зачастую меньший запас прочности. Между тем пьесы Арбузова, оятанные поэзией, приподнятые над бытом, но отнюдь не исключаящие быт, являют нам, в каком бы возрасте мы ни находились, нечто знакомое, как бы пережитое. Пьесы Арбузова, как сказали бы ученые, инвариантны, то есть таит в себе возможность насыщать их возникший рисунок приметами и характерами различных поколений и

даже вписывать в них нечто близкое и зрителям зарубежных сцен.

Поэтому, видя в арбузовских пьесах продолжение классической русской драматургии и прежде всего великих открытий Чехова, режиссеры, актеры, зрители почти тридцати пяти стран разыгрывают и смотрят «Таню», «Иркутскую историю», «Моего бедного Марата», «Старомодную комедию», «Жесткие игры», «Воспоминание» и другие пьесы, находя в них не только наши характеры и устремления, но и созвучие своим надеждам, извлекая из них поэзию и музыку бытия, знакомясь с миропониманием, поступками и строем чувств советских людей.

Какие же это мотивы? Какие созвучия?

Ненumerные в своей кажущейся немногочисленности нюансы отношений мужчины и женщины. Тут нерв арбузовских пьес. Сказать, что драматург поэтизирует эти отношения, значило бы коснуться поверхности. Он извлекает из них некий лексикон человечности, заставляя вспомнить глубокое замечание Маркса о том, что отношения мужчины и женщины есть высшая форма отношения человека к человеку вообще. В знакомых и, казалось бы, таких изученных и драматургами, и зрителями «треугольниках» и «четвероугольниках» возникают переливы все новых и новых мелодий. Почти во всех своих пьесах Арбузов начинает «от женщины», он знаток и певец женских характеров. Всей системой пьесы он создает как бы идеальный тип отношений, может быть, и не осуществившийся в данных конкретных обстоятельствах, но словно витающий над ними.

Это как бы эталон, отношения нашей мечты. Арбузов верит, что в каждом зрителе от природы заложено ожидание справедливости и счастливого финала своих жизненных усилий. И потому он не только не стесняется сентиментальности, но, напротив, рассматривает ее как художественное выражение доброты. Поэтому с течением лет в его пьесах вырастает, кристаллизуется образ маленькой, но стойкой женщины, переносящей удары судьбы, невзгоды истории, никогда не повышающей голос, но не изменяющей своей природе. Такова легендарная Таня, чей нежный голос для зрителей моего поколения остается голосом покинувшей нас недавно Марии Бабановой. Такова Люся из пьесы «Годы странствий», может быть, главная маленькая женщина Арбузова. Такова Валя из «Иркутской истории»; Лика — «Мой бедный Марат». Можно называть и дальше. Арбузов следует классической традиции. Арбузовский герой на вечном randevу!

Однако это лишь кажется, что драматург в кругу только «вечных тем». Бегущее время окрашивает действие его пьес. Порой кажется, что все они целостный рассказ об одном человеке, его очарованиях и разочарованиях, о распаде в противоречиях его молодости мире, вновь собираемом неторопливой мудростью поздних лет. Это не абстрактный «пришелец», но мой современник и земляк, проходящий вместе с Родиной ее нелегкий путь.

Арбузов вовсе не чужается исторических реалий. В его пьесах отголоски событий, которыми мы жили в эти полвека, их ритмы. Конец нэпа, коллективизация и индустриализация, возведение городов и электростанций в сибирской тайге, заполярные маршруты, свершения и трагедии, фронт и эвакуация. Один лишь перечень профессий его героев составил бы любопытнейший список социально-психологических ориентаций молодых людей. Но история в арбузовских пьесах преломляется своеобразно. Как правило, драматург дает ей обозначение, схожее с газетным фактом, который у всех на устах. В обстоятельствах хронологического конкретного дня (драматург даже часто ставит дату, когда происходит действие) он всматривается в персонажей. Он понимает, что у времени и у человека нередко разные ритмы. Он ищет драму в их несовпадении. Его интересует прежде всего изменение **человеческих отношений**.

Сравните отношение к труду, к цели и смыслу жизни, к любви юношей и девушек в знаменитой пьесе кануна войны — «Город на заре», созданной Арбузовым и членами его и В. Плучека театральной студии, когда участники спектакля «списывали» свои роли как бы с себя, и те же отношения в «Жестких играх», пьесе, написанной в 1978 году. Право же, можно и все сказать и о времени, и о себе! Наглядный урок тем, кто полагает, что арбузовские пьесы грешат асоциальностью. Просто Арбузов в злостнейшем ищет вечное, испытывая своих героев на «старомодных» генитиях — доброте, поэзии, совестливости...

Сравните только две пьесы «на двоих» — «Игру в джин» и «Старомодную комедию». И вы тотчас же почувствуете ту пропасть, что разделяет мироощущение героев американской и советской пьесы. В первом случае неистребимый отблеск конца жизни чувство исчерпанности, порванной связи с миром, с людьми; во втором — естественная связь с людьми, с обществом, светлая печаль в соединении с готовностью к новой жизни, к любви... Образ жизни, словно говорит Арбузов, прежде всего в образе чувствований!

Разнообразие форм и жанров арбузовских пьес убеждает, что их автор обладает виртуозной драматургической техникой. «Драма», «комедия», «притча», «водевиль», даже «драматическая задача» — так обозначает он типы предлагаемых театру сочинений. И это не игра в стиль. Читая Арбузова внимательно, можно убедиться, что драматург видит свой будущий спектакль в большей степени, нежели это принято думать.

Диалог Арбузова, помимо индивидуальных своих черт, имеет одну важную особенность. Зритель участвует в нем не тем, что угадывает реплики, а, напротив, тем, что удивляется их неожиданности. В арбузовских пьесах говорят необычно, непохоже, ритмично, мелодично, играючи. Персонажи подробно объясняют себя, высмеивают, выпучивают. Они иронизируют, печалются, грустят. В каждом слове пульсирует их характер, проявляется мироощущение.

Словарь его необычен, он выбирает редкие синонимы, которые можно сыграть. Вместо простого «не знаю» арбузовский персонаж произнесет: «непостижимо». Вместо: «ему позвонили» скажет: «ему уведомили по телефону». Из речи героев драматург выметает обыденщину. Он хочет, чтобы узнавали не быт, но судьбу.

А сильнейшее его орудие — мелодрама.

Арбузову более, нежели кому-нибудь другому, обязан наш театр ее реабилитацией. Он доказывает своими пьесами: сама по себе мелодрама ни плоха, ни хороша. Плохи или хороши автор. Мелодрама возникла из первоначальных глубин зрительского вблприятия. Она демократична не понарошку. Мы найдем в его пьесах нечаянные встречи и внезапные расставания, невероятные измены и смерть в одночасье. Но при всей его склонности к игре, игры в мелодраму у него нет. Он знает ее меру, цель, понимает, что она лишь средство.

Жаль, в рамках одной статьи нельзя проследить его музыку. Драммы Арбузова музыкальны изначально. Думаю, когда он пишет, в его сознании звучат симфонии, сонаты, их лейтмотивы, обертона, непременно чередование ритмов, «минорность» или «мажорность». Музыкальна композиция, весь строй, начиная с обширных поэтических ремарок, предваряющих пьесу, словно скрипичный ключ партитуру. Автор выписывает их тщательно, как стихи.

И когда все его богатство — прожитые годы и наблюдения, вдохновение, и умение, и неистребимая страсть сцены — собирается вместе и образует критическую массу, следует яркая вспышка и рождаются пьесы, которые остаются с нами надолго, может быть, навсегда. Так возникла — я убежден — трагикомическая, карнавальная «12-й час», неочеченная еще по достоинству нашим театром. Ее главные герои — люди реанимированные изпом на одно лишь историческое мгновение. Они выписывают в нас вереницу страных, неоднозначных чувств, а вся пьеса, действие которой улаживается в несколько поздних вечерних часов, волнуется и оптимизмом тех лет, и печалью поэзией, и отзвуком исторических судеб народных...

Загадка Арбузова существует. Собравшись вместе, полвека его работы явили нечто целостное и ценное. Для театра, для культуры. Оглядываясь двухтомное пространство его сцены и думаешь: может быть, разгадка в зале, в нас?

О, он знает зрителя! Знает наш инстинкт театра. Ему ведомы наши заботы, а наши изменчивые состояния находят отклик в его пьесах. И ранние надежды, и поздняя любовь.

В одном из своих устных гимнов театру он воскликнул: — Театр должен быть простодушен! Он должен исторгать восторг у зрителя!

Когда это случается на его спектаклях — а это было и много раз! — мы в зале бываем счастливы. Мы не помним себя, истина театра властвует над нами. Сегодня, накануне его 75-летия (непостижимо!) большую часть этих восторгов мы обращаем к нему. Мы словно дети. Мы кричим: «Браво! Бис!»

Александр СВОБОДИН.